

*Посвящается Эдуардо.
Ты всегда в моем сердце*

*Моему отцу, истинному галисийцу,
моей матери и их любви,
не подчинившейся воле родственников
и укрепившей мою веру в себя
и в непобедимую силу чувств*

Людам вообще свойственно заботиться о том, что о них подумают окружающие. Не беспокоятся только две группы населения — бездомные и аристократы. Те и другие поступают как им вздумается и не страдают из-за того, какое впечатление это произведет на других. Я говорю не о богатых бездельниках, которым только и дела, что закатывать вечеринки. Я о тех, кто с молоком матери впитал одну мысль — ничье мнение не имеет значения, кроме их собственного.

Агата Кристи.
«Тайна замка Чимниз»¹

Практически любой человек в доме мог это сделать.

Агата Кристи.
«Скрюченный домишко»²

План был безупречен, его надежность — гарантирована. Майкл Корлеоне исключил все возможные случайности. Он был терпелив и рассчитывал посвятить подготовке целый год. Увы, судьба-злодейка лишила его этого года, причем самым неожиданным образом. И подвел Майкла Корлеоне не кто иной, как сам крестный отец, великий дон Вито.

Марио Пьюзо.
«Крестный отец»³

Они будут с тобой жить, они будут с тобой разговаривать, как будто ты со мной.

Исолина Каррильо.
«Две гардении»

¹ Перевод Н. Екимовой.

² Перевод Н. Ибрагимовой.

³ Перевод М. Молчанова.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУТ

За дверью кто-то ждал. Настойчивый и уверенный стук свидетельствовал о том, что посетитель требует немедленной аудиенции. Ни гости, ни сантехники, ни курьеры не проявляют подобного рвения. Как вспоминалось ему позже, в глубине сознания мелькнула мысль: «Так ведут себя полицейские».

Еще пару секунд он задумчиво смотрел на курсор, мигающий в конце предложения. Этим утром работалось отлично — самый продуктивный день за последние три недели. Не хотелось признавать, но дело шло лучше всего, когда дома никого не было. Можно не придерживаться графика, не прерываться на обед и ужин по расписанию, а просто творить. Именно так и происходило на этом этапе работы над романом. Книга «Солнце Фив» будет закончена через пару недель. А то и раньше, если все сложится удачно. И до того момента ему предстоит жить своим творением и круглосуточно думать только о нем. Так случалось каждый раз: возникало ощущение живительной и в то же время разрушающей силы, которая и восхищала и пугала одновременно. Опыт подсказывал, что в ближайшие дни это чувство не исчезнет, с чем придется смириться.

Он бросил быстрый взгляд в коридор, отделявший гостиную от входной двери. Курсор продолжал мигать, слов-

но желая выплеснуть на экран еще не написанные слова. Обманчивая тишина породила мимолетную надежду, что незванный гость ретировался. Но нет: мощная чужеродная энергия проникала даже через дверь. Он опять посмотрел на монитор и положил пальцы на клавиатуру, намереваясь закончить предложение. Искушение не обращать внимания на визитера было велико, но со стороны маленькой прихожей снова раздался настойчивый стук.

Раздражало не столько то, что работу прервали, а бесцеремонность посетителя. Хозяин дома пошел открывать, бормоча проклятия в адрес консьержа: сколько раз повторять, что не стоит мешать человеку, когда он занят? Резким движением писатель распахнул дверь.

Двое гражданских гвардейцев¹ в униформе, мужчина и женщина, сделали шаг назад.

— Добрый день! Здесь проживает сеньор Альваро Муньис де Дáвила? — спросил страж порядка, бросив взгляд на листочек, который почти утонул в его большой ладони.

— Да, — ответил Мануэль. Раздражение моментально испарилось.

— Вы его родственник?

— Муж.

Хозяин дома заметил, как гвардеец переглянулся с коллегой, но нервозность достигла уже такой степени, что было наплевать.

— С ним что-то случилось?

¹ Гражданская гвардия — испанский орган охраны правопорядка, подчиняющийся одновременно Министерству внутренних дел и Министерству обороны и в т. ч. выполняющий полицейские функции за пределами крупных городов, входящих в сферу контроля Национальной полиции, что роднит Гражданскую гвардию с французской Национальной жандармерией.

Откровение Галисии

— Я альферес¹ Кастро, а это сержант Акоста. Мы можем войти? Лучше поговорить внутри.

Мануэль писал книги и без труда мог предугадать, как будут разворачиваться события. Если двое гвардейцев при исполнении предлагают пройти в квартиру, вряд ли они пришли с хорошими вестями. Хозяин дома кивнул и отодвинулся в сторону. В маленькой прихожей два стража порядка в зеленой униформе и армейских ботинках казались великанами. На отполированном паркете их подошвы издавали скрип — словно подвыпившие матросы пытались удержать равновесие на палубе небольшого судна. Мануэль провел гвардейцев в гостиную, где работал, и направился было в сторону дивана, но резко остановился, повернулся, чуть не столкнувшись с визитерами, и настойчиво повторил:

— С ним что-то случилось?

Прозвучало это скорее как утверждение, чем как вопрос. Пока писатель шел по коридору, тревога переросла в мольбу, монотонно отдающиеся в мозгу: «Нет, пожалуйста, только не это, только не это!» Хотя Мануэль понимал, что все напрасно. Молитвы не помогли, когда рак свел в могилу его сестру за каких-то девять месяцев. Она, измученная болезнью и истощенная, как всегда, пыталась поддержать и утешить брата, даже когда на ее белом, сливающимся с подушкой лице уже лежал отпечаток смерти: «Похоже, я не тороплюсь уходить из этого мира, как не спешила и прийти в него». Писатель униженно просил бездействующие высшие силы о чуде и в тот момент, пока, еле передвигая ноги, брел

¹ Альферес — в Испании звание, являющееся историческим аналогом российского звания прапорщика, однако при этом выступающее первым офицерским чином (наиболее известное наименование этого звания, используемое в целом ряде стран, — энсин).

в кабинет врача. И там, в тесной и душной комнатке, доктор сообщил, что сестра не пережила ночи. Нет, молитвы не помогут, хотя Мануэль отчаянно продолжал надеяться, сложив руки перед собой, когда ему сообщили горькую правду, приговор, который не способен отменить ни один правитель.

Альферес с удивлением рассматривал внушительную библиотеку — книжные шкафы полностью занимали две стены гостиной. Затем бросил взгляд на рабочий стол, посмотрел на писателя и указал на диван.

— Давайте лучше присядем.

— Не хочу я сидеть. — Фраза прозвучала грубо, и, чтобы смягчить ее, Мануэль вздохнул и прибавил: — Пожалуйста...

Гвардеец колебался, явно чувствуя себя неловко. Он закурил губу и смотрел куда-то в сторону.

— Речь о... о вашем...

— О вашем супруге, — прервала коллегу сержант, решив взять ситуацию в свои руки. Альферес не скрывал облегчения. — К сожалению, у нас неутешительные новости. Весьма печально, но сеньор Альваро Муньис де Давила сегодня утром попал в серьезную аварию. Когда «Скорая» прибыла на место происшествия, он уже скончался. Примите наши соболезнования.

Лицо сержанта представляло собой идеальный овал. Еще больше его подчеркивала прическа — собранный на затылке пучок, из которого начали выбиваться отдельные пряди.

Мануэль четко расслышал: Альваро мертв. Но с удивлением поймал себя на том, что любитесь правильными чертами лица женщины и заморожен ими, даже готов сделать комплимент. Сержант Акоста была наделена особенной мягкой красотой и, похоже, не осознавала этого, что лишь усиливало ее очарование. Позже Мануэль поймет: мозг включил режим

самосохранения в шоковой ситуации и сосредоточился на совершенно посторонних вещах, как утопающий хватается за брошенный спасательный круг. Это продолжалось всего несколько драгоценных секунд, а затем сознание выдало лавину вопросов. Но вслух Мануэль произнес только одно:

— Альваро?

Сержант взяла писателя за руку (позже ему пришло на ум, что именно так она, наверное, привыкла обращаться с задержанными), подвела к дивану и усадила, легонько надавив на плечо и устроившись рядом. Мануэль не сопротивлялся.

— ДТП произошло ночью. Автомобиль, как мы полагаем, слетел с трассы, двигаясь по прямой в условиях хорошей видимости. Других машин поблизости не было. Наши коллеги из Монфорте считают, что сеньор де Давила заснул за рулем.

Мануэль внимательно слушал сержанта, силясь вникнуть в детали и не обращать внимания на все громче раздающийся внутри хор голосов, повторявших: «Альваро мертв, Альваро мертв». Теперь сознанию уже не хватало созерцания красивого женского лица. Краем глаза Мануэль заметил, что альферес принялся разглядывать его рабочее место: чашку с остатками кофе и забытой ложечкой; приглашение на церемонию вручения престижной литературной премии, которое писатель использовал как подставку под стаканы; мобильный телефон, по которому Мануэль всего несколько часов назад разговаривал с Альваро; мигающий курсор в конце последнего написанного утром предложения. Вот идиот — радовался, что работа спорится... А теперь все это не имеет значения. Ничто не имеет значения, раз Альваро мертв. Причин сомневаться нет, ведь к нему заявились гвардейцы, а хор голосов в голове завывает громче и громче. И вдруг писатель увидел ниточку, за которую можно ухватиться, второй спасательный круг.

— Вы сказали, Монфорте? Но это же...

— Монфорте-де-Лемос в провинции Луго. Нам позвонили именно оттуда, хотя ДТП произошло в небольшом городке неподалеку от Чантадо.

— Это не Альваро.

Уверенный тон Мануэля отвлек альферес от созерцания предметов на письменном столе. Страж порядка в замешательстве повернулся к писателю.

— Почему вы так думаете?

— Это не может быть Альваро. Позавчера вечером он уехал в Барселону, чтобы встретиться с клиентом. Мой муж — специалист по маркетингу. Несколько недель он трудился над проектом для сети гостиниц. Они провели пару рекламных кампаний, а утром у Альваро была презентация, поэтому он не мог оказаться в Луго. Видимо, произошла ошибка. Вчера мы созванивались. Сегодня — еще нет, потому что, как я уже сказал, у него важная встреча, да и я не встаю рано. Сейчас наберу ему.

Мануэль вскочил на ноги и устремился к рабочему месту, мимоходом заметив многозначительные взгляды, которыми обменялись гвардейцы. Начал неуклюже рыться в куче предметов, валявшихся на столе, задел чайную ложку, и она зазвенела, ударившись о край чашки с въевшимися пятнами кофе. Он схватил мобильник, нажал пару раз на экран и прижал телефон к уху, не сводя глаз с сержанта. Та с грустью смотрела на него. Множество долгих гудков, а потом звонок сбросился.

— Должно быть, Альваро на встрече, не отвечает.

Акоста встала с дивана:

— Вас зовут Мануэль, верно?

Он кивнул, чувствуя, будто на плечи ложится тяжелый груз.

Откровение Галисии

— Подойдите сюда, присядьте.

Писатель послушно вернулся и сел.

— Мануэль, я тоже состою в браке. — Сержант бросила быстрый взгляд на потускневшее золотое кольцо на его пальце. — И знаю по опыту — прежде всего благодаря работе в Гвардии, — что мы никогда не можем быть абсолютно уверены в том, где сейчас находится наш партнер. Мы вынуждены учиться жить с этим, не мучаясь неизвестностью ежесекундно. Разумеется, была какая-то причина, по которой ваш супруг оказался в Луго и не рассказал вам об этом. Но мы точно знаем, что покойный — Альваро. На звонок никто не ответит, ведь телефон сеньора де Давилы находится в участке в Монфорте. Тело доставили в морг больницы в Луго, но погибшего уже опознали родственники. Без сомнения, это Альваро де Давила, сорока четырех лет.

В ответ на аргументы, которые приводила сержант, Мануэль лишь продолжал качать головой. Разумеется, она поняла по кольцу, что в браке он уже давно, и начала строить предположения. Всего несколько часов назад писатель разговаривал с Альваро, и тот был в Барселоне. Что, скажите на милость, он мог делать в Луго? Мануэль хорошо знает своего партнера и уверен: тот на деловой встрече, а не в какой-то богом забытой провинции. К черту все эти подозрения и общепринятые представления о супружеской жизни, к черту сержанта Акосту, которая решила читать ему нотации!

— У Альваро нет родственников, — возразил писатель.

— Мануэль...

— Хорошо, допустим, что есть, как у всех нормальных людей. Значит, он не поддерживает с ними отношений. Иначе я бы об этом знал, ведь мы сто лет знакомы. Альваро с ранней юности был сам по себе. Вы ошибаетесь.